

7. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: МГТУ стали и сплавов, 2004. 40 с.
8. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.
9. Шкурко А.В. Анализ ситуаций и проблема компетентности // Эпистемология и философия науки. 2007. № 1. С. 112–123.
10. Маслоу А. Мотивация и личность: креативность // Интернет-ресурс «MGT-EDU.RU»
11. Донских О.А. Дело о компетентностном подходе // Высшее образование в России. 2013. № 5. С. 36–44.
12. Караваева Е.В., Телешова И.Г., Ульянова М.Е., Эченикэ В.Х. Возможность использования методологических принципов европейского образования в российских университетах // Высшее образование в России. 2013. № 1. С. 3–13.
13. Байденко В.И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения. М., 2006. С. 55.
14. Тхагапсоев Х.Г. О новой парадигме образования // Педагогика. 1999. № 1. С. 103–110.

П.А. КУЗЬМИНОВ, профессор
А.М. КУМЫКОВ, профессор
К.Ф. ДЗАМИХОВ, профессор

Региональная историография в системе вузовской науки

Статья посвящена проблеме развития российской региональной историографии, роли и месту вузовской науки в ее развитии. Показано, что современная региональная историография нуждается в системном внимании федеральных структур управления системой образования и науки.

Ключевые слова: историография, региональная историография, региональная историография Юга России и Северного Кавказа, методология гуманитарной науки, этноцентризм, российская идентичность

Историческая наука в современной России, пожалуй, находится в уникальном положении: она не испытывает былого идеологического давления «сверху», но вместе с тем подвержена многообразным формам «политизации снизу». Данная тема обретает особую остроту, когда речь идет о региональной историографии (тем более – на базе вузов), о характере ее вклада в российскую историческую науку. В свою очередь, проблема выявления особенностей вузовской региональной историографии предполагает такой ее аспект, как изменение форм организации исторической науки в постсоветский период в конкретных историко-культурных пространствах, в том числе на Юге России, включая Северный Кавказ.

Как известно, в 1960–80-е гг. в СССР

активно разрабатывалась региональная историография – как в научных учреждениях, так и в вузах. К тому же в стране функционировала государственная система архивов, музеев, библиотек, которая давала возможность ученым использовать громадное культурное наследие. Что касается Юга России, то здесь в 1969 г. был создан Северо-Кавказский научный центр высшей школы (СКНЦ ВШ), объединивший свыше 50 вузов и 206 научно-исследовательских учреждений региона, в которых трудилось свыше 20 тысяч ученых, работавших в различных научных направлениях, включая историческую науку.

Следует отметить, что открытие СКНЦ ВШ явилось первой серьезной попыткой создания региональной формы организа-

ции вузовской науки в СССР. Речь фактически шла о том, чтобы в соответствии с известными идеологическими установками встроить вузовскую науку и ее потенциал в экономическую, технологическую и культурную систему региона. Необходимо признать, что при этом все-таки перевешивали интересы развития науки. В этом плане принципиально важно то обстоятельство, что СКНЦ ВШ складывался как система отделений по отраслям наук на основе кооперации вузов региона, что позволило вырвать региональную науку (историческую, в первую очередь) из плена мелкотемья и замкнутости на «местно-локальном», очертив круг региональных по сути проблем. В те же годы (в 1973 г.) был учрежден и региональный журнал «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы», которым был инициирован вопрос о необходимости «исследований методологических, общетеоретических проблем историко-философской науки», разумеется, с проекцией на регион «Юг России». Благодаря специальному разделу журнала — «История народов Дона и Северного Кавказа», за многие годы опубликован колоссальный массив историографической информации, который так или иначе создал институциональную и научно-методологическую основу региональной историографии Юга России и Северного Кавказа.

Вместе с тем следует отметить, что у этой системы были и свои недостатки, в частности такие, как идеологическая ангажированность, методологическая узость, господство формационного подхода в исторической науке, что, безусловно, обедняло изучение широкого спектра проблем, связанных с повседневной жизнью народов, загоняло реальные факты истории в прокрустово ложе догматических схем. Были проблемы и с публикациями результатов исследований, прежде всего оригинальных, базирующихся на региональном фактологическом материале.

В 1990-е гг. ситуация в региональной ис-

ториографии, как и в России в целом, изменилась радикально: совместные республиканские и краевые научные исследования почти полностью прекратились. Историки на местах замкнулись в «этнических квартирах», отдавшись без оглядки изучению истории «своих» народов, а в итоге оказавшись в зоне конфронтации с ближайшими соседями и в новом плену мелкотемья исторических исследований. Реальностью научной жизни региона стали «вульгарная политизация и безудержная идеологизация сферы исторического знания, откровенное манипуляторство историко-политическими стереотипами массового сознания, прямое и широкое включение историков в политическую борьбу» [1, с. 83]. Фактически, как пишет А.Я. Гуревич, «образовался огромный и трудновосполнимый пробел, в особенности если говорить не о “белых” или “черных пятнах” в истории, а о чем-то куда более сложном и важном — о методологии и гносеологии исторического исследования, которые отвечали бы современной духовной и научной ситуации и картине мира [2, с. 22]. На этом фоне резко изменилась и тематика научных изысканий региональных историков: ее доминантами стали колониальная политика царизма, Кавказская война, депортация народов и другие трагичные страницы прошлого, то есть «происходит романтизация и мифологизация национальных исто-

рий на фоне демонизации истории России» [3, с. 83].

Однако 90-е гг. привнесли в историографию и свои плюсы. Учет этнорегионального фактора в исторической науке начал обретать системный характер. Это особенно ощутимо на примере развития исторической науки в нашем университете. Так, обобщая работу историков КБГУ во второй половине 90-х гг., аттестационная комиссия Министерства образования РФ констатировала, что сформулированы теоретико-методологические принципы построения обобщающих концепций национальной истории народов КБР, позволяющие интерпретировать с единой точки зрения преемственность и разрывы в их многовековом развитии, самостоятельность их роли как субъектов исторического творчества и их включённость в систему интерсоциального и культурного взаимодействия в рамках российского «большого» общества. Исследовательский проект КБГУ «Российские модернизации XIX–XX вв. и народы Северного Кавказа: процессы культурной адаптации и социально-политической интеграции», представленный на конкурс Министерства образования среди выдающихся научно-педагогических коллективов, был признан победителем и получил государственную поддержку.

Подводя итоги работы историков КБГУ с 1990-х гг. до настоящего времени, можно сказать следующее: осуществлен комплексный анализ проблемы социально-культурного синтеза – основополагающей для всего российско-кавказского исторического процесса – в качестве фактора, определявшего формы взаимодействия Российского государства и народов Северного Кавказа. Народы и общества Северного Кавказа представлены в качестве политических субъектов российского цивилизационного процесса, что позволило определить их роль и место в историческом опыте реформ и революций, в процессах созидания демо-

кратической государственности в современной России.

Региональная вузовская историография на Юге России представлена не только исследованиями, проводимыми в КБГУ, но и научными изысканиями ученых ряда крупных центров Южного федерального университета, Дагестанского государственного университета, Ставропольского государственного университета и Северо-Осетинского государственного университета. При этом на базе этих вузов созданы специализированные структуры региональной историографии. Так, Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания при Северо-Осетинском государственном университете учрежден Правительством Северной Осетии-Алании в 1994 г. для изучения истории, проведения археологических исследований, создания Музея древностей Алании и научного обеспечения преподавания истории Осетии в средних и высших учебных заведениях. Усилиями этого института подготовлен и издан «Исторический атлас Осетии», где обобщены историко-картографические сведения по истории Осетии с древнейших времен до XX в. Полевые научные изыскания организованы на всей территории Осетии, весьма

интересной в археологическом плане. При этом исследования каменного века ведутся в составе международной экспедиции совместно с несколькими университетами США и Великобритании. В числе приоритетных задач экспедиции – «спасательные раскопки» аланских памятников: Бесланского, Змейского, Садонского, Архонского, Дагомского, Хазнидонского катакомбных могильников. За последние годы усилиями вузовской историографии открыто и зафиксировано около 650 историко-архитектурных памятников, большинство из которых не были известны науке.

В рамках межвузовской научно-образовательной программы «Локальная история: компаративные подходы и методы изучения» историко-архивного института РГГУ, Ставропольского госуниверситета и кафедры истории РГАУ им. К.А. Тимирязева создан научно-образовательный центр «Новая локальная история» на базе Ставропольского университета. В центре разработана, прошла апробацию и опубликована программа курса «Новая локальная история в полиэтничном макрорегионе», реализуемая в рамках образовательного проекта «Формирование инновационного научно-образовательного пространства классического университета как условие подготовки нового поколения специалистов, способных обеспечить стратегию национальной безопасности и позитивный сценарий развития Северо-Кавказского региона» по направлению «Безопасность и противодействие терроризму». Что принципиально важно – центр «Новая локальная история» поддерживает связи с обширным кругом вузов и научных учреждений, занятых проблематикой региональной историографии: с РГГУ, Институтом всеобщей истории РАН, Институтом российской истории РАН, Воронежским, Омским, Саратовским, Кабардино-Балкарским государственными университетами, Институтом археологии и источниковедения Киевской Национальной академии наук, историчес-

ким факультетом Харьковского Национального университета, Капошварским университетом (Венгрия).

Вышеизложенное свидетельствует о том, что формы и методы организации региональной исторической науки за последние два десятилетия существенно изменились и носят в целом позитивный характер. В десятки раз увеличилось число публикуемых статей и монографий по данной тематике, подготовленных преподавателями вузов; кратно возросло и количество открытых форумов – конференций, симпозиумов, конгрессов, проводимых региональным научным сообществом историографов. И, на наш взгляд, самое главное: в регионе появился интерес к осмыслению «региональных историй» в общем контексте «большой истории» на основе современных методологий. Так, в КБГУ на протяжении ряда лет разрабатывается перспективная для региональной историографии концепция «кавказской сублокальной цивилизации». Она базируется на современных принципах социальной синергетики и синтеза макроисторических парадигм. Основная идея данной концепции – гипотеза о возникновении на Кавказе к XV–XVI вв. сублокальной цивилизации «лектонического типа», которая на протяжении последних четырех-пяти веков развивает-

ся в режиме контактов, диалога и интеграционных отношений с российской локальной цивилизацией [4–6]. К этому следует добавить, что в нашем регионе сложились плодотворные научные связи с ближним и дальним зарубежьем. И, наконец, разрабатывается множество исследовательских федеральных и региональных проектов, направляются за границу и принимаются на стажировку десятки молодых исследователей, что свидетельствует об эффективном взаимодействии региональной и мировой науки. Так выглядит «пласт позитивного» в развитии региональной вузовской историографии за последние четверть века.

Вместе с тем нужно отметить и нерешенные проблемы. Во-первых, многочисленные этнические конфликты начала 90-х годов XX века, две чеченские войны, военные действия в Южной Осетии и Абхазии катализировали появление огромного количества печатной историографической продукции, которая подпитывает гегемонистские планы лидеров националистических движений. На этом фоне в Южном регионе возник даже особый род пропагандистской войны – «война в Интернете». Особенно остро эта война ведется за лидерство того или иного этноса в различные эпохи развития этносов, в эпоху средневековья в частности. В этом контексте появляются карты, где обозначены территории жизнедеятельности «своего» народа в древние времена, в которых зачастую нет места для соседних народов. Таким образом, региональная историография может порой использоваться в качестве инструмента реализации политических амбиций национальных элит практически во всех субъектах Северного Кавказа и Юга России. В этом контексте усиливается и «этнический водораздел» между Ставропольским, Краснодарским краями и национальными республиками, что приводит к усилению этнофобии как в среде русского населения, так и в среде северокавказских народов, что

находит отражение (нередко гипертрофированное) в СМИ.

Каков же выход из этой ситуации, чреватой непредсказуемыми последствиями? Вариантов, безусловно, много. Но доминантная роль, как нам представляется, все-таки принадлежит историографической науке. Всем народам, обитающим на Юге России: кабардинцам и балкарцам, черкесам и карачаевцам, осетинам и ингушам, чеченцам и русским, осетинам и грузинам и др. – надо вместе работать над созданием коллективных обобщающих трудов по региональной истории, находить взаимоприемлемые формулировки в оценке «болевых сюжетов истории». И здесь не обойтись без институциональных опор – необходим координационный центр, который объединил бы усилия кавказоведов, всей региональной историографии Юга России. Эффективный и качественный результат возможен в ближайшее время, на наш взгляд, при решении следующих задач.

1. Создание координационного научного центра региональной историографии во Владикавказе или в Нальчике с возложением на него и функций популяризации культурно-интеграционных процессов на Юге России (этот вопрос адресуется Министерству образования и науки РФ).

2. Системное строительство академической истории ареала «Юг России» в общем контексте истории России. Для этого необходимо под патронажем РАН сформировать межвузовские авторские коллективы для работы над такими обобщающими трудами, как «Северный Кавказ в доцивилизационный период»; «Этнография народов Северного Кавказа»; «Историография истории народов Северного Кавказа»; «История народов Северного Кавказа: от античности до эпохи модернизации»; «История народов Северного Кавказа в эпоху буржуазной модернизации»; «История народов Северного Кавказа в условиях советского общественного строя»; «История народов Северного Кавказа на

современном этапе»; «Северный Кавказ в истории России». Речь идет о научно-издательском проекте государственной значимости.

Если эти вопросы будут решены, региональная историография на Юге России и Северном Кавказе перестанет быть агентом этноцентризма, а то и прямой пособницей экстремизма и станет одной из важнейших научно-интеллектуальных платформ содействия процессам формирования российской национальной идентичности.

Литература

1. Боров А.Х. Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке теоретико-методологических проблем // Вестник

КБГУ. Сер. «Гуманитарные науки». Вып. 2. 1996. С. 83–92.

2. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 21–35.
3. Черноус В.В. О социально-культурных процессах на Северном Кавказе и основных направлениях их исследования // Научная мысль Кавказа. 1996. № 4.
4. Тхагапсоев Х.Г. О кавказской культурной общности // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69. № 2. С. 30–135.
5. Тхагапсоев Х.Г. Лектонический тип коммуникации и проблема цивилизационной идентичности Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2001. № 4. С. 56–64.
6. Идрисова М.З., Тхагапсоев Х.Г. Концепция локальной цивилизации в методологии этнической историографии // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1. С. 3–14.

А.И. ГЕЛЯЕВА, профессор
М.Ч. КРЕМШОКАЛОВА, доцент

Лингвистическая культурология как сфера межвузовской кооперации

В статье актуализируется значимость кросскультурных исследований в контексте проблем формирования российской идентичности, показана особая роль региональной вузовской науки в этом плане. Отмечается явное несоответствие ныне бытующих форм и уровня межвузовской кооперации гуманитарных исследований вызовам времени и запросам страны, идущей по пути консолидации общества и культурно-технологического подъема.

Ключевые слова: культурология, региональный вуз, идентичность, кросскультурное исследование, стратегия образования, поликультурная среда, научный потенциал

Развитие науки, как известно, является одним из ключевых аспектов современной мировой и российской стратегии развития высшей школы, что нашло воплощение и в появлении в стране такой категории вузов, как «национальный исследовательский университет». Однако, как показывает анализ, в нашей отечественной вузовской науке, в ее организации и координации пока доминирует массив нерешенных проблем и инерционность [1]. Во-первых, в этой сфере все еще сохраняется явный перекос в пользу естественных и технических наук, что принято оправдывать «остротой запросов времени» на технологические иннова-

